

Глава 8

Даос, больше походивший на вольного бродягу, лишь усмехнулся, пропустив мимо ушей недовольное сопение Яньчи.

— Судя по гексаграмме, — продолжил он, — господин уже начал подготовку к делу, что не даёт ему покоя. Однако стоит тронуть одну нить, как в движение придут все остальные. Внутренние перемены повлекут за собой внешние, и вскоре вы ощутите на себе влияние мира извне. Изначальный смысл этого знака суров: вы можете оказаться в ловушке, подобно блуждающему духу.

Собеседник двусмысленно осклабился:

— Впрочем, выход есть всегда.

Увидев, как Цзи Хуайчжэнь, замороженный этими речами, не сводит глаз с незнакомца, Яньчи окончательно потерял терпение.

Мужчина же, не обращая на него внимания, указал на третью монету, лежавшую Янской чертой вверх:

— Если превратить третью черту из Ян в Инь, оставив лишь первую сплошной, это станет вашим единственным плодом, шансом на спасение. Но если господин найдёт в себе силы пойти до конца и, поставив всё на карту, превратит и первую черту в Инь... Когда все шесть черт станут тёмными, наступит предел Инь. А предел тьмы рождает свет Ян. Только тогда в этой безнадёжности блеснёт истинный шанс на жизнь.

Юноша сверлил наглого гадателя яростным взглядом.

Все эти рассуждения об Инь и Ян для Тайфу были пустым звуком, он не понял ни слова. Однако реакция Яньчи забавляла его до глубины души, и он нарочно принялся вовсю строить глазки случайному даосу.

— И как же мне, недостойному, обрести такую решимость? — Хуайчжэнь, косясь на спутника, картинно протянул ладонь бродяге, предлагая тому прочесть его судьбу по линиям на коже.

Но незнакомец вдруг отстранился, и лицо его приняло на редкость серьёзное выражение:

— Для этого мне нужно взглянуть на ваши «восемь иероглифов» — точную дату и час рождения.

Настроение Хуайчжэня мгновенно изменилось. Пришло время играть по-крупному.

Тайфу покосился на стоящего рядом юношу. Назови он вымышленные данные — и перед Седьмым принцем может вскрыться правда, а он ещё не наигрался с этой забавой и не хотел разоблачения так рано. Но этот странный даос, при всей своей нелепости, одним словом попал в самую суть его тревог. Хуайчжэню и впрямь захотелось услышать истинное толкование.

Немного подумав, он взял кисть и вывел на бумаге свои настоящие данные.

В вопросах, касавшихся личной выгоды, мужчина никогда не знал пощады. Он тут же решил: если Яньчи что-то заподозрит — он его просто убьёт. В конце концов, этот мальчишка был лишь временным развлечением, подобранным у дороги.

Даос взял листок, и по мере чтения лицо его искажалось. Взглянув на Цзи Хуайчжэня с нескрываемым ужасом, он с силой прихлопнул бумагу к столу. Став бледнее полотна, он принялся лихорадочно что-то высчитывать на пальцах, шепча под нос. Внезапно он вскочил, рухнул на колени, обратившись лицом к юго-востоку, и запричитал:

— Матушка! Сын твой был непочтителен!

Цзи Хуайчжэнь лишь многозначительно промолчал.

«...»

Яньчи хотел было допросить безумца, но из глубины галереи уже слышались шаги — Даос Цзэн, уладив свои дела, возвращался к гостям.

Услышав это, незнакомец скороговоркой выпалил:

— Господин, меня зовут Лу Сяоцзя, запомните это имя! И ради всего святого, берегите себя! Мечи и копья не ведают жалости. К чёрту все эти гадания, Инь, Ян и жизнь на волоске — всё это чушь собачья! Не слушайте никого, господин, лучше бросайте службу и возвращайтесь в родную деревню пахать землю!

С этими словами он вновь опустился на четвереньки, юркнул за ширму, отодвинул что-то в углу и исчез в собачьем лазе.

Тайфу замер в полном недоумении от выходов этого малого. Зато Седьмой принц рядом так и сочился ядом:

— Он уже уполз, а ты всё смотришь вслед.

Хуайчжэнь усмехнулся. Пока Даос Цзэн не вошёл, он поманил юношу к себе.

Схватив его за воротник, Хуайчжэнь притянул его так близко, что их губы едва не соприкоснулись. Он смотрел прямо в глаза Яньчи:

— Неужто и впрямь приревновал? Я ведь не звал его к себе в постель. Стой смирно и не мешай мне заниматься делом.

Собеседник был ещё слишком молод, и все его чувства читались на лице как в открытой книге. От пары ласковых слов Хуайчжэня он и злился, и не мог сдержать невольной, счастливой улыбки.

— Прошу прощения за ожидание! Я велел приготовить... — Даос Цзэн распахнул двери, но, почувствовав изменившуюся атмосферу в комнате, запнулся.

Хуайчжэнь заметил, каким взглядом старик окинул его и Яньчи.

«Этот Цзэн, верно, давно наплевал на все даосские обеты и целомудрие, — в голове промелькнула циничная мысль. — Никакой он не праведник»

Откашлявшись, Хуайчжэнь принял официальный вид:

— Не стоит спешить. Есть ещё один вопрос, который давно не даёт мне покоя. Быть может, наставник просветит меня?

Старик жестом пригласил его продолжать.

— Знаком ли наставник с Даосом Чжаном?

Тот не стал отпираться, подтвердив, что они принадлежат к одной школе. Более того, судя по иерархии, он должен был величать Чжана «младшим дядей-наставником».

Тайфу всё понял и перешёл к главному:

— Наставнику, верно, известно, что нынешний Император давно принял даосское учение. У Его Величества три принца: Первый и Третий уже покинули дворец и обзавелись собственными резиденциями, и лишь Четвёртый принц ещё совсем мал и растёт подле Императрицы.

— Всем известно, что Четвёртый принц слаб здоровьем... — Хуайчжэнь не стал договаривать, но и Яньчи, и Даос Цзэн всё поняли без слов.

Дитя Цзи Ванься, ребёнок с кровью семьи Цзи — на него никто не делал ставок. И дело было не в возрасте и не в могуществе клана Цзи, который и так мозолил всем глаза.

Причина была в другом: А Цюань совсем не походил лицом на Ваше Величество.

— Однако недавно в Шанцзине поползли слухи, будто Четвёртый принц наделён необычайным обликом и является воплощением самого Ли Эр. В иное время на это не обратили бы внимания, но сейчас, когда ижунцы и татары рыщут у границ, а внутри страны плетут заговоры смутьяны... К тому же вопрос о наследнике престола всё ещё открыт. Подобные речи лишь вносят раздор в правящие круги.

Хуайчжэнь поносил самого себя как часть «смутьянов» с самым невозмутимым видом.

— Прошу наставника наставить меня. Если Четвёртому принцу и впрямь суждено стать избранником небес, мне следует подготовиться заранее. Будьте уверены, я не забуду вашей доброты.

Даос Цзэн расхохотался и принялся беззастенчиво вешать лапшу на уши. Он сыпал терминами, рассуждал о движении светил и земных недрах. Принимая собеседника за настоящего Лу Шии, он даже вскользь упомянул расположение родовых могил семьи Лу, явно намекая на то, что именно он — тот самый мудрец, прозревший волю небес.

Итогом его пространной речи стало утверждение: А Цюань, племянник Хуайчжэня, который только и умел, что объедаться да лодырничать, обладает истинным «ликом Императора».

Цзи Хуайчжэнь вовсе не презирал мальчика. Просто А Цюань родился недоношенным, а в годовалом возрасте едва не умер от лихорадки. Сейчас ему было четыре года, и разум его развивался крайне медленно.

Если такой, как он, станет императором, Великой Ци действительно придёт конец.

Яньчи скучал, стоя позади, и потихоньку задевал носком сапога край одежд Хуайчжэня, словно напрашиваясь на ласку. Тот оглянулся на него, и юноша тут же вспыхнул. Они начали переглядываться, уже не скрывая своего взаимного влечения.

Уходя, они снова столкнулись с подозрительным Лу Сяоцзя. Тот прятался за деревом, делая вид, будто подметает опавшую листву.

Хуайчжэнь нарочно спросил:

— А это что за юный даос?

Он выделил слово «юный» с той же интонацией, с какой дразнил Сяо Яня. Собеседник изменился в лице и поспешно затараторил:

— А, этот? Это Лу Сяоцзя, всего лишь послушник из внешних учеников. Родители у него померли, ремесла никакого не знает... Держим его из милости, за миску похлёбки.

Хуайчжэнь не стал его разоблачать и вежливо попрощался.

Едва они сели в экипаж, мужчина прикрыл глаза, погружившись в раздумья. Слова этого чудаковатого Лу Сяоцзя не выходили у него из головы. Несмотря на напускное безумие, в них крылся глубокий смысл.

Юноша, не дожидаясь приглашения, придвинулся ближе, позволяя Хуайчжэню опереться на себя. Немного помолчав, он вдруг спросил:

— Тебе и впрямь так важно, кто станет наследником?

— М-м? С чего такие вопросы? — Хуайчжэнь не подал виду, но внутри мгновенно насторожился.

— Не знаю, как и сказать... Может, я просто наслушался старосты. Он всё твердил, как опасно служить в Великой Ци, и как враждуют семьи Цзи и Лу. Неужели каждый твой шаг подобен прогулке по тонкому льду, раз ты готов верить гаданиям? Судя по тому, что нёс этот Цзэн, Четвёртый принц ещё совсем дитя, а перед ним двое взрослых и способных братьев. К чему тебе так тревожиться?

Сяо Янь запнулся, а затем выпалил:

— Слушай, когда мы закончим дела, уезжай со мной в Вэньян, а?

Эта дерзкая просьба была настолько нелепой, что Тайфу невольно приснул.

Он открыл глаза и увидел, что юноша смотрит на него с нескрываемой тревогой. В этом взгляде было всё: жалость, досада, забота и желание защитить. Красивые глаза собеседника засияли ещё ярче.

Только Цзи Ванься смотрела на него так. Только его сестра по-настоящему пеклась о нём.

Вспомнив, что этот взгляд по праву принадлежит Лу Шии, Хуайчжэнь ощутил жгучую ревность и внезапное желание всё разрушить.

Ему хотелось высмеять Яньчи, растоптать его мечты, напомнить, что тот — никто и звать его

никак, а его слова — лишь пустой треп. Но, глядя в эти глаза, мужчина не смог выдавить из себя ни слова издёвки.

Спустя мгновение Хуайчжэнь ответил с терпением, которого сам от себя не ожидал:

— В иное время это были бы лишь пустые слухи, над которыми можно посмеяться. Но сейчас одно движение может обрушить всё здание. Почва и так шаткая. Мне нужно понять, кто сеет эти сплетни и зачем. Только так можно отвести беду.

Лицо его стало суровым. Он не лгал: если не решить это дело, А Цюаню может грозить смертельная опасность.

Вернувшись на постоянный двор, Тайфу отправил спутника в его комнату. Бай Сюэ уже ждала его в соседнем покое.

Хуайчжэнь долго молчал, прокручивая в голове события дня. Что-то во всём этом было не так. Он разложил карту, коснулся пальцем Шанцзина, затем области Фэньчжоу, и наконец остановился на Линьане — городе, выбранном для новой столицы.

— Господин, — подала голос Бай Сюэ, — прикажете проверить этого Лу Сяоцзя?

— Проверь. И ещё — передай на Террасу Тающего Золота, пусть не спускают глаз с того Даоса Чжана, — лицо Хуайчжэня было предельно серьёзным. — Его тоже нужно вывернуть наизнанку: школа, родня, друзья, с кем общался в последние годы, все его дела в столице... Я хочу знать о нём всё, до мельчайших подробностей.

Помощница опешила:

— Господин ему не доверяет? Но ведь Даос Чжан — ваш человек, он годами служил нам верой и правдой.

Хуайчжэнь только собрался ответить, как дверь распахнулась. На пороге стоял Яньчи. Бай Сюэ тоже вздрогнула от неожиданности.

— Шии, мне нужно кое-что тебе сказать...

Он поднял взгляд, увидел девушку и смутился:

— Прости, не знал, что у тебя гости.

Он уставился на её волосы, не зная, как к ней обратиться — как к мужчине или как к

женщине.

Хуайчжэнь сохранял полное спокойствие:

— Она давно со мной, свой человек. Просто редко показывается на людях. Зови её сестрицей Бай. Что у тебя? Говори быстрее.

Услышав, что это женщина, Яньчи поспешно поклонился, но продолжать разговор при ней заупрямился. Мужчина заметил его неловкость и подал Бай Сюэ знак уходить.

Та лишь хмыкнула про себя. Уходя, она не удержалась от колкости:

— Слушаюсь. Что до Лу Сяоцзя — я выясню всё: кто такой, сколько душ в семье, не женат ли... Обязательно разузнаю и доставлю отчёт господину Лу лично в руки.

Цзи Хуайчжэнь лишь помрачнел.

«...»

Лицо Яньчи, конечно, тут же изменилось. Он бросил на собеседника недовольный взгляд.

— Как ты меня только что назвал? — ледяным тоном спросил Хуайчжэнь.

Это «Ши» сорвалось у юноши с языка так легко, что Тайфу аж перекосило от досады.

Парень промолчал, явно всё ещё переживая из-за этого Лу Сяоцзя.

Мужчина лишь холодно на него посмотрел. Сегодня он был не в духе, чтобы возиться с чужими капризами. Тешить любовника — дело хорошее, но только когда есть желание.

Однако тот быстро справился с собой. Он подошёл к Хуайчжэню, взял его за руку и крепко обнял.

— Я ведь не ко всякому столбу тебя ревную, — прошептал он. — Вижу же, что ты просто дразнишь меня. Я сказал, что не прикоснусь к тебе до свадьбы, вот ты и бесишься... А пришёл я только потому, что не договорил. Тяжело это — держать всё в себе. Я не смыслю в твоих делах, но не бери всё на себя одного. Я же сказал: теперь я рядом, и никто не посмеет тебя обидеть.

— В крайнем случае я просто заберу тебя отсюда. Будешь делать только то, что хочешь. Сейчас ты мне не веришь, но вот увидишь — так и будет.

В его серьёзном тоне не было и тени бахвальства. Хуайчжэнь на миг лишился дара речи, а затем прибег к своему излюбленному средству — смене темы.

Он вызывающе улыбнулся:

— А ты хоть знаешь, кто я такой? Смелости тебе не занимать, раз такие речи ведешь.

Затем добавил:

— Ну так что, сегодня спишь со мной на кровати? Или вернёшься в свою конуру?

Юноша запнулся:

— Это не конура... Я у слуги новые одеяла выпросил, знаю же, что ты любишь чистоту.

Этот взгляд полоснул Хуайчжэня по сердцу, словно кошачьи когти. Все эти Лу Сяоцзя и Даосы Чжаны мигом вылетели из головы. С недоброй усмешкой он последовал за Седьмым принцем в его комнату. Он долго играл в эту игру, и теперь пришло время потребовать плату.

Его терпение было на исходе. Плотские утехы — дело минутное, но Тайфу не терпелось заполучить не просто тело, а искреннее сердце этого мальчишки, чтобы затем безнаказанно его растоптать.

Тогда-то и посмотрим, кого он сможет защитить.

<http://bllate.org/book/15318/1366774>